

Концепция диалога М.М. Бахтина в ее применении к психологической практике

А.Ф. Копьёв

кандидат психологических наук, профессор кафедры индивидуальной и групповой психотерапии факультета психологического консультирования Московского городского психолого-педагогического университета

В статье рассматриваются различные аспекты теории и практики психотерапии в контексте концепции диалога М.М. Бахтина. Показывается, что сам смысл психотерапии в свете данной концепции, данного мировоззрения видится не в достижении тех или иных локальных психотерапевтических целей, но в самом событии восстановления — через диалог — болезненной самозамкнутости человеческой личности как изначальной предпосылки всех проблем (со здоровьем, адаптацией, развитием, обучением и т. п.), которые, собственно, и обуславливают нужду в психологической помощи. Отмечается, что предпосылка, легитимирующая понятие диалога в психотерапевтическом контексте, коренится в более общих антропологических представлениях М.М. Бахтина, предполагающих, с одной стороны, теснейшую связь, а с другой — поляризованность «я» и «ты» как некоторого общечеловеческого, общеродового обстоятельства. Через эту концептуальную «призму» рассматривается и позиция клиента — как человека, нуждающегося в психологической помощи, и позиция психолога-консультанта, психотерапевта — как более или менее адекватного участника психотерапевтического диалога.

Ключевые слова: психотерапия, психологическая помощь, диалог, вневходимость, «я» и «другой», несамодостаточность «я», онтологическая нужда в другом, монологизм, событийность.

К вам всем — что мне, ни в чем не знавшей меры,
Чужие и свои?! —
Я обращаюсь с требованием веры
И с просьбой о любви.
.....
За быстроту стремительных событий,
За правду, за игру...
— Послушайте! — Еще меня любите
За то, что я умру.
М.И. Цветаева

Концепция диалога стала входить в российскую психологическую науку, по существу, синхронно с развитием психологической практики; и этот факт — совершенно не случаен. Категория «диалог», сама идея диалога становится особо ощутимой — почти физически воспринимаемой — именно тогда, когда психолог переходит из области научно-исследовательской в область консультативно-практическую.

История вхождения понятия «диалог» в отечественную психотерапевтическую практику и в опыт ее научной рефлексии связана с поиском некоторого мета-понятия, которое не было бы тесно привязано к той или иной психотерапевтической «конфессии», и

при этом фиксировало то, что происходит между консультантом и клиентом, опираясь на какие-то удобопонятные — родственные, теоретически близкие и узнаваемые — представления о природе человеческого общения (безотносительно к тем или иным «транскрипциям» этого общения в терминах той или иной психотерапевтической доктрины).

Понятие «диалог» апеллирует именно к непосредственной реальности, *событийной* реальности, происходящей между клиентом и консультантом, взятой вне установочных представлений и понятий (М.М. Бахтин называет это «теоретическими транскрипциями») соответствующих психотерапевтических доктрин (таких, как, например, «перенос»,

«контрперенос», «рабочий альянс», «раппорт», «эмпатическое слушание» и т. п.).

Этот переход между, казалось бы, понятными нам психологическими сущностями, с одной стороны, и некоторым продуктивным — терапевтическим — эффектом на полюсе клиента, с другой стороны, весьма проблематичен. Этот переход порой затруднителен и неочевиден и, более того, он никак не вытекает из, казалось бы, самых что ни на есть серьезных психологических представлений и весьма основательных психодиагностических методик. Здесь мы сталкиваемся с пространством взаимодействия между людьми (между психотерапевтом и пациентом), взаимодействия, которое не имеет своего однозначного направления, вектора и, строго говоря, своих фиксированных содержания и формы. Это ситуация, когда «побеждает не тот, кто лучше бежит, а тот кто лучше бежит в мешке». И как бег в мешке — это своеобразный бег, так и «психотерапевтическая психология» — это своеобразная психология: это *психология диалога*. Тот тип отношений, те стили, жанры — с присущими им ограничениями, — которые устанавливаются у конкретного психолога с конкретным клиентом и становятся как бы тем самым «мешком», в котором надо «добежать» до цели.

Концепция диалога М.М. Бахтина последние два—три десятка лет весьма активно цитируется в отечественных работах, посвященных практической психологии. Но, на наш взгляд, она пока что воспринята главным образом лишь в той части, которая согласуется с уже известными истинами зарубежной практической психологии. В концепции диалога видится, скорее, отечественный аналог американской гуманистической психологии, нежели самобытный и — подчеркнем — *непсихологический* по своей сути (если не сказать антипсихологический) взгляд на человека и его взаимоотношение с другим. Концепция М.М. Бахтина «трансгрессиентна», внеположена конкретным психологическим теориям и (благодаря этому) приложима к самым разным явлениям психологической практики (независимо от сферы ее действия и теоретической основы) в той мере, в какой эти явления соотносимы с предельно общим принципом: психологическая помощь (психотерапия, психокоррекция, консультирование и пр.) предполагает взаимопознание и взаимодействие человека с человеком.

Отношения М.М. Бахтина с психологией (как научной, так и современной ему практической — в лице психоанализа) представляют собой специальную историко-психологическую и методологическую проблему. Однако для нас несомненным является то, что общегуманитарные и психологические идеи М.М. Бахтина, разбросанные в его различных литературоведческих текстах и порой лишь пунктирно обозначенные, являются компонентами стройной и внутренне цельной антропологической концепции. Эта концепция имеет для психологии личности, для теории психотерапии и консультирования исключительное значение и потому нуждается в своеобразной реконструкции.

* * *

Попробуем произвести подобную реконструкцию в виде системы тезисов с соответствующими комментариями и экскурсами в психологическую проблематику.

- Существует фундаментальное различие между двумя позициями в подходе к личности: изнутри и извне.

Личность изнутри самого себя, в своем «я — для себя», никогда не сводима к некоей данности (физико-соматической, социально-статусной, экономической, морально-этической, характерологической и пр.), она всегда предстает некоторой задаче, миссии, внутреннему требованию, и потому она всегда *задана*. Личность, переживаемая изнутри, лишена «алиби в бытии», ей еще предстоит дать отчет, как обо всех «вложенных в дело», так и о «зарытых в землю» талантах.

Простой пример, приводимый М.М. Бахтиным, может прояснить суть отношения человека к себе и к другому: «Я люблю другого, но не могу любить себя, другой любит меня, но себя не любит; каждый прав на своем месте, и не субъективно, а ответственно прав. С моего единственного места только я — для — себя, а все другие — другие для меня (в эмоционально-волевом смысле этого слова). Ведь поступок мой (и чувства — как поступок) ориентируются именно на том, что обусловлено единственностью и неповторимостью моего места. Другой, именно на своем месте, присутствует в моем эмоционально-волевом участном сознании, поскольку я его люблю как другого, а не как себя. Любовь другого ко мне эмоционально совершенно иначе звучит для меня — в моем личностном контексте, чем эта же любовь ко мне для него самого, и к совершенно другому обязывает меня и его» [3, с. 116].

Человек нуждается во внешнем взгляде, в *другом* человеке, который просто в силу своей «другости», своей естественной *внеаходимости* по отношению к нему может воспринять его как данность, как некоторую завершенность, как что-то определенное и состоявшееся.

- Итак, изнутри своего «я — для себя» личность всегда не завершена. И чем более в поверхностно-защитной плоскости своего самосознания человек цепляется за те или иные удовлетворяющие его определенности (напр.: «я — богатый», «я — простой», «я — искренний», «я — серьезный», «я — игривый» и т. п.), тем более в своей глубине он чувствует их тщетность, тем более он восприимчив к внешнему мнению, тем более он стремится найти себя «в отражениях» (и тем более он боится этих отражений).

- Вместе с тем всякая попытка внешнего определения человека как данности — попытка *завершения* личности — всегда обречена на неполноту. С одной стороны, позиция другого — позиция *внеаходимости* — потенциально имеет большие преимущества. Всем известна банальная истина: «со стороны виднее». Действительно, со стороны можно увидеть

принципиально не видимые изнутри внешние атрибуты той жизненной ситуации, в которой находится человек, можно в деталях рассмотреть все, что относится к его телесному образу, к его жестам, манере говорить, действовать и пр. Извне можно услышать те интонации, акценты и оговорки в высказываниях человека, которые ему изнутри принципиально не слышны. Это преимущество внеаходимости всегда составляет соблазн завершения личности, конечного определения ее как некой данности¹.

Вместе с тем внешний взгляд, ориентирующийся на данность и пытающийся ее наилучшим образом «расшифровать» (именно как данность), принципиально не видит той заданности, которая предстает человеку изнутри его свободно поступающего «я». Внешний взгляд может пленяться очевидностью и торопиться с суждением, тогда как изнутри все представляется совсем не столь определенным и ясным. «Подлинная жизнь личности, — пишет М.М. Бахтин, — доступна только диалогическому проникновению в нее, которому она сама ответно и свободно раскрывает себя. Правда о человеке в чужих устах, не обращенная к нему диалогически, то есть заочная правда, становится унижающей и умерщвляющей его ложью...» [2, с. 69].

В качестве примера коллизии внешнего и внутреннего взгляда на человека М.М. Бахтин приводит реакцию Макара Девушкина из «Бедных людей» Ф.М. Достоевского, когда тот прочитал гоголевскую «Шинель» и, узнав себя в Акакии Акакиевиче, оскорбился и возмутился: «Прячешься иногда, прячешься, скрываешься в том, чего не взял, боишься нос подчас показать — куда бы там ни было, потому что пересуды трепещешь, потому что из всего, что ни есть на свете, из всего тебе пасквиль сработают, и вот уже вся гражданская и семейная жизнь твоя по литературе ходит, все напечатано, прочитано, осмеяно, пересужено!». Особенно, — отмечает М.М. Бахтин, — возмутило Девушкина, что Акакий Акакиевич так и умер «таким же, каким был» [там же, с. 67].

• Итак, попытка внешнего определения личности, попытка «завершения» ее всегда ограничена и неполна, так как в корне противоречит той свободе, неопределенности и незавершенности, тому «не алиби в бытии» (бахтинский термин), которое выступает как очевидная внутренняя данность для любого искреннего самоотчета. И вместе с тем личность, особенно находящаяся в критической ситуации, остро нуждается в реакции на себя, в ином мнении о себе, которого она одновременно, порой, не менее сильно боится. Практически, другой выступает в качестве того самого волшебного зеркальца, которое так радовало, но и так огорчало злую царицу из пушкинской «Сказки о мертвой царевне». Другой призван успокоить, утешить, подтвердить, что все в порядке, что «ты на свете всех милее» и т. п. Но вместе с тем другой — это всегда опасность разоблачения, он может

не подтвердить желаемого, может обнаружить наше самозванство, может обидеть нас, не поддержав нашего душегрейного желания, и это тем вероятнее и тем опасней, чем более мы сами (в глубине своего «я») подозреваем подобное.

Для того чтобы выступать в качестве зеркала, другому вовсе не обязательно говорить что-либо о нас, выносить те или иные конкретные суждения. В конце концов, за любой реакцией или ее отсутствием можно усмотреть то или иное отношение, мнение, суждение и пр. Обостренное ощущение собственной негарантированности заставляет человека настойчиво вглядываться в других, сравнивать себя с ними, порой, мучительно переживать свое несоответствие, завидовать и т. п.

Суждение человека о человеке никогда не может быть подлинным «завершением». Оно всегда ограничено его кругозором, пристрастиями, «злостью дня» и пр. Тем более оно не полно, пока «завершаемый» человек жив и не сказал еще своего последнего слова. Вместе с тем человек нуждается в «завершении» и ищет (боится) его.

Такова изначальная антропологическая коллизия, с которой имеет дело практический психолог (консультант, психотерапевт и др.) внутри — и благодаря которой — он имеет возможность действовать.

Пространством и условием деятельности практического психолога является *диалог — конкретное событие «пересечения» того, что может сказать о себе сам человек, и того, что становится понятным о нем психологу как другому.*

«Овладеть внутренним человеком, — пишет М.М. Бахтин, — увидеть и понять его нельзя, делая его объектом безучастного и нейтрального анализа, нельзя овладеть им и путем слияния с ним, вчувствования в него. Нет, к нему можно подойти и его можно раскрыть, точнее, заставить его самого раскрыться — лишь путем общения с ним, диалогически» [2, с. 293].

Психологическая помощь становится возможной не благодаря тому, что психолог может выступить по отношению к человеку — своему клиенту — в роли проницательного «эксперта» или «учителя», «врача» или «проповедника», в роли «эхо» или «гипнотизера», «тренера» или «ученого» и т. п. и т. д. Она возможна постольку, поскольку он *другой*.

Всю полноту этой функции (функции другого), как правило, не могут реализовать для человека люди из его окружения: члены его семьи, близкие, с которыми его связывают жизненно-практические отношения. Именно в силу своей близости, своей реальной включенности в жизнь человека они недостаточно *авторитетны как другие* (при всех возможных достоинствах ума и характера). Их взгляд неизбежно фрагментарен и прагматически заострен ввиду большего или меньшего пересечения их жиз-

¹ Особые психологические познания и специальные диагностические процедуры могут усиливать это чувство собственной компетентности внешнего наблюдателя и, соответственно, усиливать соблазн завершения.

ни с жизнью клиента. Поэтому их позиция как других — позиция венаходимости по отношению к нему — недостаточно последовательна, недостаточно целостна и «упруга» и, если и возможна применительно к частностям жизни человека, то почти всегда несостоятельна применительно к пространству всей его жизни, к основным «силовым линиям» его бытия.

Разумеется, в зависимости от конкретной профессиональной задачи и собственной «системы ориентации» психолог-консультант, психотерапевт может выступить в какой-либо из названных (или неназванных) выше ролей, однако базовой предпосылкой его деятельности является *фундаментальное преимущество внешнего взгляда*, которым он в той или иной степени может делиться со своим собеседником (клиентом, пациентом). Помогать он может не в силу своей профессиональной подготовки (познаний, навыков, технологий, умения ставить диагнозы и т. п.), но в силу своего объективного положения как *другого*. Соотношение данных факторов (профессионализма и «другости») здесь примерно такое же, как соотношение конкретных навыков морехода с самим существованием морей, выталкивающей силой воды, розой ветров и т. п. Собственные профессиональные и личностные качества психолога будут проявляться в том, какую позицию он займет по отношению к своему собеседнику.

Итак, любая реакция или, шире, акция психолога (психотерапевта, консультанта) в отношении клиента, какими бы профессионально-техническими или иными соображениями она ни мотивировалась, всегда несет в себе существенный момент *отображения и оценки*. Это позволяет компенсировать или, наоборот, обострить и усилить тот комплекс переживаний, который связан с принципиальной *несамодостаточностью* человеческого «я» как с базальным антропологическим обстоятельством. Потому не столь важно, какой теоретической ориентации придерживается тот или иной психолог; главное — насколько соответствующая ориентация помогает (или препятствует) ему в понимании сути конкретных проблем данного человека и в выстраивании адекватного ответа.

В свою очередь, у профессиональных специалистов психологической практики возникает вопрос: за счет чего психотерапевт, консультант может выступать в своей помогающей роли, оказываясь достаточно полезным и востребованным?

С одной стороны, всегда есть некоторые явления, представленные в симптоматике клиента, в озвученной им жалобе, в его хабитусе и манере себя вести, во всей совокупности информации, воспринятой от него. Ее можно анализировать, относить к той или иной категории, оценивать в тех или иных диагностических понятиях и т. д. Это, в свою очередь, может адресовать психолога к тем или иным алгоритмам профессиональных действий, актуализировать те или иные практические навыки и подходы соответственно его представлениям о том, что в той или иной конкретной ситуации следует делать.

С другой стороны, можно задаться и иным вопросом. А произошло ли, собственно, нечто по-настоящему значимое, ценное, терапевтически перспективное во взаимодействиях психолога с клиентом, имело ли место то, что призвано стать реальным оправданием, реальной (практической) *легитимацией* этого общения? Произошло ли действительное событие взаимодействия или имело место некоторое — более или менее почтенное — заполнение времени (нечто вроде «бесконтактного каратэ», когда психолог просто показал, что он кое-чему научен и может вполне квалифицированно исполнять свой профессиональный «танец»)? Или же в этих отношениях с клиентом реально возник некоторый «привод»?

Возникновение этого «привода» вовсе не обязательно вытекает из тех психологических понятий и технологий, которых придерживается соответствующий специалист, а может быть связано с иными обстоятельствами. Психологи-консультанты, психотерапевты могут в действительности оказываться значимыми и существенными для своих клиентов в той степени, в какой во взаимодействии с ними тот почувствовал реальный отклик, «рефлекс» на нечто существенное и значительное для него.

Этот взгляд извне, взгляд «другого» может быть более или менее воодушевляющим и обнадеживающим, но он может быть и подчеркнуто нейтральным, «объективистским», может быть резко негативным и раздражающим, и — главное — провокативным: заставляющим человека предпринимать во взаимодействии какие-либо собственные «ходы», быть может, оправдываться, чтобы как-то совладать с неудовлетворительным для него вариантом «завершения».

* * *

Избыток «другого» по отношению к «я», переживаемому изнутри, всегда создает некоторый потенциал, который может в той или иной степени использоваться во взаимодействии между людьми, проявляясь в разнообразных формах «обратной связи». Этот «холодный», технологический, кибернетический термин уже достаточно «прописан» в практической психологии и потому нет смысла изобретать что-либо иное. Что бы ни было предпринято (или не предпринято) со стороны «другого» по отношению к «я» — все это является формой обратной связи: от проявления любви до полного безразличия или ненависти, от ласки до удара топором. Между «я» и «другим» всегда есть некоторая энергия и интрига. С одной стороны, всегда имеется более или менее артикулированный запрос, а с другой — возможность некоторого ответа на него. Все это — на «стыке», на взаимодействии двух личностей, двух «я».

В ситуации психологического консультирования, в психотерапии, — предлагая в связи с проблемами клиента свои образы и суждения, выстраивая свое интегральное эмоционально-ценностное отношение к нему, — психолог, по существу, предлагает те или

иные варианты «завершения» его личности, его ситуации (того, что изнутри неясно и тревожит, что преисполнено разомкнутых в будущее возможностей и пр.), эти «завершения», в свою очередь, в той мере, в какой они восприняты, услышаны, прочувствованы клиентом, становятся фактором его внутренней динамики, т. е. тем, что объясняет, озадачивает, примиряет, возмущает, утешает, раздражает, вдохновляет и т. д.

Фундаментальная соотношенность людей друг с другом, потенциально бесконечная возможность их отражения друг в друге всегда содержит в себе и исцеляющую, «терапевтическую» перспективу — возможность преодоления некоторых, казалось бы, неизменных, «окаменевших» внутренних преград и «полос отчуждения».

Именно это обстоятельство представляется нам конституирующим для всякой консультативной, психотерапевтической ситуации, позволяющим людям оказывать друг другу психологическую помощь, в том числе и вне ее сугубо профессиональных, «регулярных» форм.

Нельзя не учитывать, что существует стихийная, естественная, спонтанная психотерапия, которая может происходить независимо от специальных психологических познаний и даже вне осознанных терапевтических задач. Онтологическая нужда в «другом» создает некоторую внутреннюю — природную — предпосылку, делающую феномены психотерапии возможными, порой независимо от специальной профессиональной «оснащенности» условных «терапевта» и «пациента».

«Что в первую очередь важно для лечения, — писал К. Юнг, — так это личное участие, серьезные намерения и отдача, даже самопожертвование врача. Я видел несколько поистине чудесных исцелений, когда внимательные сиделки и непрофессионалы смогли личным мужеством и терпеливой преданностью восстановить психическую связь с больным и добиться удивительного целебного эффекта» [7, с. 292].

Разумеется, никто не принижает специальных психологических, психотерапевтических познаний и усматривает в соответствующем образовании и технологической «оснащенности» чуть ли не негативный фактор. Это попросту не подлежит обсуждению. Но тем не менее именно в той степени, в какой психолог-консультант, психотерапевт адекватен как партнер по диалогу, в какой он способен чувствовать его реальность и полагаться на нее в своей консультативной терапевтической работе, его способность использовать преимущества своей профессионально-психологической подготовки может проявиться наилучшим образом и, соответственно, наоборот [5].

К реальности диалога обращают нас обстоятельства рассогласования, казалось бы, внешне «плотного» и «самодовлеющего» внешнего образа человека, с внутренней — текучей, неустойчивой, колеблемой, проблематичной, трагически-комичной — сутью. Реальность диалога позволяет зафиксировать это

рассогласование и объяснить его природу, связанную не только (и не столько) с интрапсихическими детерминантами личности, но и с реальным коммуникативным контекстом, в который она включена. В свою очередь, инерция привычного «психологизма», готовность и соответствующий интеллектуальный навык интерпретации личности другого человека изнутри ее самой — как детерминированной внутренней динамикой — представляется спорной, уязвимой. Она не может помыслить диалога. Даже, казалось бы, делая его предметом специального изучения. Традиционный психологизм стремится уйти от реального диалога между личностями и как можно скорее найти его внутриспсихические «корреляты»: отсюда наивный интерес к проблематике *внутреннего диалога* (интересно было бы еще узнать, встречается ли он в реальности — «в природе» — и если встречается, то где, если не в специально организованных исследовательско-терапевтических процедурах («юнгианских», «гештальтистских» и т. п.).

Концепция диалога исходит не из «самодостаточного», оплотненного существования человеческой личности, вступающей в те или иные — потребностно мотивированные взаимодействия с некими другими (в соответствии с теми или иными своими потребностями и желаниями), но рассматривает взаимодействие людей как *событие*, принципиально не сводимое к «полюсу» лишь одного из участников этого взаимодействия, этого события. Можно ли адекватно помыслить себе электрический ток на основании «самодостаточности» одного из «полюсов» (неважно, «плюса» или «минуса»)? Возможно ли адекватно описать какую-либо сборную инженерную конструкцию, например арочный свод (составленный из двух неустойчивых частей, как бы заваливающих друг на друга и образующих в итоге устойчивое сооружение), исходя лишь из одной части этого сооружения? Возможно ли понимание половой любви и зачатия новой жизни при рассмотрении лишь одного рождающего начала — мужского или женского? Все это риторические вопросы с очевидным ответом.

Кстати, специалисты по сексологическому консультированию прекрасно знают, какую печальную роль в интимной жизни их пациентов играют фетишистские фиксации на тех или иных элементах сексуальных отношений, когда готовность проявлять исключительную осведомленность, прецизионное внимание, любознательность и упорство в попытках добиться осуществления своих фантазий и грез одновременно обуславливает неспособность этих пациентов вступать в отношения. Вообще, сфера сексуального взаимодействия является превосходной моделью — очень наглядной и понятной метафорой — диалогического общения: настолько наглядной, что в истории психологии возник мощный соблазн принять эту метафору за суть дела, а в свою очередь, в иных видах взаимоотношений между людьми видеть не более чем «метафору» секса.

Однако подобный же вопрос о том, в состоянии ли традиционный — «монадический» — психологизм адекватно описывать реалии терапевтического диалога, вовсе не представляется риторическим и может рассматриваться чуть ли не как некоторая методологическая «экзотика».

Здесь следует отметить, что предпосылка, легитимирующая понятие «диалога» в психотерапевтическом контексте, лежит в более общих антропологических представлениях, предполагающих, с одной стороны, теснейшую связь, а с другой — поляризованность «я» и «ты» как некоторого общечеловеческого, общеродового обстоятельства.

Диалогическое взаимодействие не может быть введено «срежиссировано», «декретировано» консультантом (пусть и сколь угодно опытным и способным). Оно предполагает серьезную *встречную активность клиента*.

В диалог можно вступить только *свободно*. И, точно также, при наличии диалогического посыла со стороны партнера по общению, от него можно устранить — свободно избегать диалога, используя разнообразные формы сопротивления и защиты.

Отношение к диалогу и в диалоге — это личностное отношение. Оно предполагает участие высшего — интегрального — уровня самосознания человека, уровня нравственной рефлексии. Человек может определять себя на этом уровне или избегать такого самоопределения, стремясь к всевозможным самообъективациям более низкого: скажем, «социально-индивидуального» или «организмического» порядка. (Напр.: «Ну а кто бы иначе вел себя в моем положении?», «У меня такой характер — я этого не могу выносить!», «Поймите, перед вами просто больной человек» и т. п.). И в том, и в другом случае — это результат определенного выбора, в котором человек достаточно свободен и автономен, здесь его суверенная «территория». Для психолога, консультанта важна не столько та конкретная форма, в которой выражается в данный момент самоопределение клиента, — значение сказанных слов, сколько общий, суммарный вектор его воли — его *диалогическая интенция*.

То что в консультировании терапевт имеет дело со свободным человеком — с клиентом, который свободен тем или иным образом оценивать себя, свою жизнь и обстоятельства этой жизни, оценивать ситуацию общения с консультантом, как и его самого, и занимать по отношению ко всему этому свою позицию, — это определенный и совершенно непреложный факт. Свобода отношения клиента в реальности консультативной беседы выступает как диалогическая интенция, как *большая или меньшая готовность и серьезность* в намерении решать свои

проблемы и обсуждать их в данной конкретной ситуации с данным конкретным консультантом: как *большая или меньшая потребность в психологической помощи*.

Последовательная попытка психотерапевта реализовать в консультировании медицинскую модель взаимоотношений: «врач—больной» (где больной — есть пассивный реципиент терапевтических усилий врача), приводит к появлению негласных (но от того еще более тягостных) «обязательств» терапевта перед клиентом — к избыточной и потому ложной ответственности консультанта за результат, который, в самом деле, в огромной степени зависит от серьезности усилий клиента. Невнимание к его диалогической интенции, попытка строить психотерапевтические отношения с клиентом, минуя силы диалогического напряжения (а подчас и вопреки им), приводит к глубокому нарушению энергетического баланса в общении, к очевидной неравномерности «творческих вкладов»².

Наличие или отсутствие у клиента диалогической интенции в ситуации общения с консультантом есть вещь объективная, не связанная с тем, сознает это консультант или нет. Сам по себе психолог может быть сколь угодно серьезным и старательным по отношению к клиенту, но если последний не серьезен и внутренне пассивен, а психолог никак не учитывает этого обстоятельства в своих действиях, стоит сомневаться в том, будет ли такая «работа» иметь хоть какой-либо смысл.

Вместе с тем психотерапевт, консультант — сам по себе — тоже являет — более или менее адекватную, более или менее адаптированную, но вполне *живую, несамодостаточную* личность со своими эмоциональными рефлексиями, своим опытом и жизненно-биографическими обстоятельствами. Все это — хочет он того или нет — присутствует в его взаимодействии с клиентом. Таким образом, важнейшим аспектом, характеризующим диалогическую готовность консультанта (психотерапевта), является *полнота его присутствия* в консультативном процессе. Препятствием этому в реальном консультативно-психотерапевтическом процессе является *монологизм*.

«Монологизм, — читаем у М.М. Бахтина, — в пределе отрицает наличие вне себя другого равноправного и ответно-равноправного сознания, другого равноправного Я (Ты). При монологическом подходе (в предельном или чистом виде) другой всецело остается только объектом сознания, а не другим сознанием. От него не ждут такого ответа, который мог бы все изменить в мире моего сознания. Монолог завершен и глух к чужому ответу, не ждет его и не признает за ним решающей силы. Монолог обходится без другого

² Кстати, распространенность у психотерапевтов, консультантов «синдрома выгорания» заставляет искать более экономные стратегии консультативной и психотерапевтической работы, находящиеся в большем согласии с глубинными закономерностями человеческого общения. Альтернативный вариант, представляющий собой попытку преодолеть описанное профессиональное бессилие за счет радикализации собственных профессиональных интервенций, оставаясь при этом на тех же позициях, т. е. игнорируя свободу клиента, приводит к современным формам наукообразной магии и является уже, по существу, последовательным и осознанным *насилием* над диалогической природой общения.

и потому в какой-то мере овеществляет всю действительность» [1, с. 318].

М.М. Бахтин считает, что «укреплению монологического принципа и его проникновению во все сферы идеологической жизни в новое время содействовал европейский рационализм с его культом единого и единственного разума и особенно эпоха Просвещения. <...> Весь европейский утопизм, — пишет он, — также зиждится на этом монологическом принципе. Таков утопический социализм с его верой во всецелые убеждения. Представителем всякого смыслового единства повсюду становится одно сознание и одна точка зрения. Эта вера в самодостаточность одного сознания во всех сферах идеологической жизни (по мнению М.М. Бахтина) не есть теория, созданная кем или другим мыслителем, нет, — это *глубокая структурная особенность идеологического творчества нового времени, определяющая все его внешние и внутренние формы*» (курсив мой. — А.К.) [2, с. 93–94].

Таким образом, согласно М.М. Бахтину, монолизм — это не просто некоторое заблуждение одного или нескольких мыслителей, но это нечто несравнимо более глубокое, связанное с фундаментальной мировоззренческой «мутацией». Именно в Новое время формируется тот познавательный рационализм, который вовсе не предполагает диалога; он «знает лишь один вид познавательного взаимодействия между сознаниями: научение знающим и обладающим истиной не знающего и ошибающегося, то есть взаимоотношение учителя и ученика, и, следовательно, только педагогический диалог» [2, с. 93], т. е. трансляцию тех или иных знаний и идей от одного — «знающего» к другому — «незнающему», «учащемуся», «профану».

Начав с оптимистического слогана: «знание — сила» самодовлеющий субъект — носитель и жертва рационалистического мировоззрения — распространил его, это мировоззрение, на все сферы жизни и к XIX в. — в русле все той же «монологической» методологии — обратился к изучению и собственного «я», и другого «ты», и разнообразных «мы», положив начало психологии как науке. В свою очередь, специфика практической психологии (психотерапии и других видов психологической помощи) предполагает вступление в отношение с другим «ты»: как в реальное, вполне ответственное и не имеющее «обратного хода» жизненное отношение.

Вместе с тем вся соответствующая система психологических знаний, сформированная в русле «рационалистического проекта», начало которого связано с отмеченной выше мировоззренческой мутацией, в свою очередь, обуславливает тот методологический кризис психологии (или как удачно назвал его Ф.Е. Василюк — схизис), который проявляется в фундаментальном несовпадении, рассогласовании системного целого психологической науки с реальностью и задачами психологической практики [4].

Собственно, то с чем мы сталкиваемся в психологической практике, превосходно зафиксировано в

приведенных выше словах К.Г. Юнга. Здесь действительно результат достигается порой не столько за счет наших специальных профессионально-психологических познаний, сколько за счет особого контакта, встречи, в которой преодолеваются как болезненная, проблематичная самозамкнутость личности пациента/клиента, так и практически бесперспективная, профессиональная самозамкнутость консультанта. Однако исторически выработанный в русле традиционного, системно-монологического (позитивистского) подхода основной корпус психологических познаний порой не столько помогает состояться этой встрече, сколько мешает ей, становясь тем самым пресловутым «богатством», своеобразным бременем, с которым трудно (как минимум для профессиональной самооценки) расстаться и в то же время с которым трудно пройти сквозь «игольное ушко» другого Ты.

Рожденные в духовных «ретортах» Нового времени и благополучно перешедшие в научную психологию представления о некотором вполне «оплотненном» — рациональном и самотождественном — субъекте проходят особое «испытание на прочность» при переходе от психологической науки к практике. И, как нам кажется, они не выдерживают этого испытания.

В свое время мы попытались рассмотреть наиболее глубокие — духовно-аксиологические — предпосылки монолизма, понимаемого как некоторый общегуманитарный синдром [5]. Если же рассмотреть проблему монолизма в его относительно знакомых, наблюдаемых, практически значимых аспектах, то можно выделить и описать следующие, эмпирически наблюдаемые его варианты, от которых практическому психологу — как от собственной тени — трудно освободиться.

1. «Диагностический» монолизм. Он исходит из некоторого сугубо научного, сциентистского представления о личности и рассматривает другого человека — другое «ты» — как нечто, лишенное своей субъектности и полностью, без остатка «растворяемое» в тех или иных психологических диагностических представлениях.

2. «Этический» монолизм. В подобных случаях клиент рассматривается через призму той или иной этической системы и — вольно или невольно для консультанта — становится объектом этической оценки.

3. «Технологический» монолизм. Здесь мы сталкиваемся со своеобразным *монолизмом метода*, когда специалист в первую очередь апеллирует к самому методу и в большей степени полагается на него и его методические предписания, чем на характер складывающихся взаимоотношений с клиентом (отсюда, кстати, жесткие требования к сеттингу и порой неадекватное, нетерпимое отношение к неспособности-неготовности клиента данного сеттинга поддерживать).

4. «Эстетический» монолизм. Это особо изысканная форма монолизма, когда более простые

(представленные выше) варианты, казалось бы, уже преодолены, и к другому человеку, к его душевным содержаниям возникает отношение, казалось бы, предельно индивидуализированное, и более того, возможно, весьма ярко подчеркивается уникальность данного человека. Однако здесь это другое «я» рассматривается скорее как *эстетический объект*, а не как свободно действующая, *свободно поступающая личность*.

* * *

Попытаемся выделить основные иллюзии, порождаемые монологической установкой в понимании реалий психологической помощи.

Монологическая иллюзия на уровне понимания другого человека, его личности, его обстоятельств и прочего состоит в «автоматической» гипотезе о «*самодостаточности личности*», как о фактическом или по крайней мере искомом ее качестве. Она коренится в том предположении, что здоровый, «правильный» человек вполне самостоен и органичен, что его психологическая «сущность» предшествует его существованию, а производимые им жизненные выборы, манифестации его воли (как в пространстве его жизни в целом, так и в пространстве взаимодействия с консультантом) не более чем эпифеномены. Импульсивность и страстность человека, неопределенность и неотъемлемый от самой жизни трагизм, с одной стороны, и как следствие этого — нужда в некоторой встречной активности (понимающей, вопрошающей, провоцирующей, утешающей и т. п.) со стороны другого: все это может рассматриваться скорее как проявления психологической дезадаптации, требующей «лечения», но не как адекватное представление о человеческой природе вообще.

В свою очередь, понимание *позиции психотерапевта*, психолога ограничивается главным образом ее *служебной* функцией. Проявления его субъектности, его способности *вступить в отношения* — как прямого следствия его *несамодостаточности* и *онтологической нужды* в другом — рассматриваются, скорее, как необходимость специальной помощи со стороны более опытных коллег, но не как здоровое и вполне естественное, как называли прежде, *физиологическое* обстоятельство психотерапевтического диалога. В зависимости от конкретных теоретических установок той или иной школы психотерапии и консультирования содержание этой служебной позиции психотерапевта может быть существенно разным: это и носитель «принципа реальности», и экзальтированный все принимающий «гуманист», и альтер-эго клиента, и «инструктор», и персонифицированное суггестивное начало («гипнотизер», «маг», «гуру» и т. п.), словом, кто угодно, но только не *реальный субъект* в спонтанности, полноте и многообразии своих непосредственных реакций.

На уровне понимания *процесса* психологической помощи, «монологическая» иллюзия приводит к преобладающей методу, к готовности выстраивать и воспринимать консультационный, терапевтический процесс, скорее, как *технологическую* процедуру, чем как живое столкновение свободных личностей, имеющее всегда открытый, непредреженный финал и всякий раз взыскующее ответственного свободно-самоопределения как от клиента, так и от психолога.

* * *

Таким образом, концепция диалога позволяет обозначить ту реальность, которая несводима ни к какой специфической, психологической доктрине, ни к какой простроенной системе практической работы или к каким-либо — весьма формальным — разделениям типа: «психотерапия — консультирование», «директивность — недирективность», «ментальное — бихевиоральное», «раскрывающая» — «поддерживающая» и т. п., но апеллирует к некоторой безусловной реальности, которая имеет «внеконфессиональный» (с точки зрения тех или иных психотерапевтических доктрин) характер.

Понятие диалога представляет собой некоторое обобщенное имя того, что происходит или должно происходить во всем, что имеет право называться консультированием и психотерапией. Это момент некоторого соединения, воссоединения, преодоления внутреннего самоотчуждения и болезненной замкнутости, которые присущи всякому человеку и в особенности тому, кого мы рассматриваем как пациента, как клиента, т. е. человека, нуждающегося в психологической помощи.

В сущности, реальное противоречие имеет место не столько между различными психотерапевтическими подходами, сколько между психологической практикой, выступающей как реально помогающая, взыскваемая, воспринимаемая, и всем тем, что можно обозначить понятием «психологический фитнес», что, в свою очередь, может рядиться и в психотерапию, и в консультирование, и в коучинг, и во что угодно, но, в сущности, не имеет к реальности диалога никакого существенного касательства.

* * *

Хотя психология и была в сфере научных интересов М.М. Бахтина, мы не находим в его наследии каких-либо работ (из достоверно принадлежащих его перу), которые непосредственно были бы посвящены психологии и психотерапии. В его состоявшихся, дошедших до нас исследованиях затрагивались главным образом проблемы общеэстетические и литературоведческие. Однако они рассматривались им не непосредственно, а как конкретные проявления *выразительного* и *говорящего* бытия, того, что он считал

подлинным предметом гуманитарных наук. «Это бытие, — писал он, — никогда не совпадает с самим собой и потому неисчерпаемо в своем смысле и значении» [1, с. 410]. Неисчерпаемость эта коренится в той — в широком смысле — *культуре*, через призму которой рассматривает бытие тот или иной человек (исследователь, читатель, зритель, собеседник и пр.). «Существует, — пишет М.М. Бахтин, — очень живучее, но одностороннее и потому неверное представление о том, что для лучшего понимания чужой культуры надо как бы переселиться в нее и, забыв свою, глядеть на мир глазами этой чужой культуры. Такое представление <...> односторонне. Конечно, известное вживание в чужую культуру, возможность взглянуть на мир ее глазами, есть необходимый момент в процессе ее понимания; но если бы понимание исчерпывалось одним этим моментом, то оно было бы простым дублированием и не несло бы в себе ничего нового и обогащающего. *Творческое понимание* (здесь и далее курсив автора. — А.К.) не отказывается от себя, от своего места во времени, от своей культуры и ничего не забывает. Великое дело для понимания — это *внезаходимость* понимающего — во времени, в пространстве, в культуре — по отношению к тому, что он хочет творчески понять. Ведь даже свою собственную наружность человек сам не может по-настоящему увидеть и осмыслить ее в целом, никакие зеркала и снимки ему не помогут; его подлинную наружность могут увидеть и понять только

другие люди, благодаря своей пространственной внезаходимости и благодаря тому, что они *другие*» [1, с. 334].

Проецируя эти — в высшей степени характерные для М.М. Бахтина идеи — в область психологической практики, мы получаем важнейшее условие продуктивного психотерапевтического диалога, в котором потребна не только максимальная представленность психологических содержаний клиента, но и полноценное *присутствие* консультанта, психотерапевта. Именно его *другость — внезаходимость* — становится предпосылкой подлинного понимания и творческого отображения.

* * *

Представленный выше текст — это попытка приложить некоторые — общегуманитарные — идеи М.М. Бахтина к области психологической практики. Разумеется, идеи М.М. Бахтина несопоставимо шире, масштабнее и многозначнее, чем предложенный нами вариант их интерпретации в контексте психотерапии и психологического консультирования. Их креативный потенциал огромен, интерес современных психологов к М.М. Бахтину закономерен и является залогом иных — как уже существующих, так и новых — взглядов и теоретических построений.

Литература

1. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М., 1979.
2. Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. М., 1979.
3. Бахтин М.М. Философия поступка // Философия и социология науки и техники. М., 1986.
4. Василюк Ф.Е. Методологический смысл психологического схизиса // Вестник психологии. 1996. № 6.

5. Копьёв А.Ф. О духовно-аксиологических предпосылках монологизма // Труды по консультативной психологии и психотерапии. 2009. Вып. 2.

6. Копьёв А.Ф. Потребность в психологической помощи в контексте диалогического подхода // Консультативная психология и психотерапия. 2010. № 1.

7. Юнг К.Г. Работы по психиатрии. Психогенез умственных расстройств. СПб., 2000.

Bakhtin's Concept of Dialogue in its Application to Psychological Practice

A.F. Kopyev

PhD in Psychology, Professor at the Chair of Individual and Group Psychotherapy, Department of Psychological Counseling, Moscow State University of Psychology and Education

---

The paper reviews different aspects of psychotherapeutic theory and practice in the context of M. Bakhtin's concept of dialogue. As it is shown, in the light of this concept, of this worldview the very sense of psychotherapy appears not in the achievement of any particular local psychotherapeutic goals, but in the event of reconstruction – through the dialogue – of the morbid self-restraint of human personality as the initial precondition of all those problems (with health, adaptation, development, learning etc.) that actually determine one's need for psychological help. The paper states that the roots of what makes it possible to employ the notion of dialogue in the psychotherapeutic context lie in Bakhtin's general anthropological notions in which 'I' and 'You' are strongly interconnected and at the same time polarized, thus constituting a universal situation, common for all mankind. Through the prism of this concept the paper then explores both the position of the client, i.e. the person seeking psychological help, and the position of the psychologist or psychotherapist, i.e. the more or less adequate participant of the psychotherapeutic dialogue.

Keywords: psychotherapy, psychological help, dialogue, 'outsidedness', 'I' and 'the other', 'non-self-sufficiency of "I"', ontological need for the other, monologism, 'eventness'.

References

1. *Bahtin M.M.* Estetika slovesnogo tvorchestva. M., 1979.
2. *Bahtin M.M.* Problemy poetiki Dostoevskogo. M., 1979.
3. *Bahtin M.M.* Filosofiya postupka // Filosofiya i sociologiya nauki i tehniki. M., 1986.
4. *Vasilyuk F.E.* Metodologicheskii smysl psihologicheskogo shizisa // Vestnik psihologii. 1996. № 6.
5. *Kop'ev A.F.* O duhovno-aksiologicheskikh predposylkah monologizma // Trudy po konsul'tativnoi psihologii i psihoterapii. 2009. Vyp. 2.
6. *Kop'ev A.F.* Potrebnost' v psihologicheskoi pomoshi v kontekste dialogicheskogo podhoda // Konsul'tativnaya psihologiya i psihoterapiya. 2010. № 1.
7. *Yung K.G.* Raboty po psihiatrii. Psihogenez umstvennykh rasstroistv. SPb., 2000.